

Авдурин

Вестник
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

1953

Вестник МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 11—1953

Д. А. АВДУСИН

РАСКОПКИ ГНЕЗДОВСКИХ ГОРОДИЩ В 1953 ГОДУ

Неподалеку от Смоленска, у деревни Гнездово, находится громадная курганная группа, насчитывающая около 3 тыс. могильных насыпей. В древности их было не менее 5 тыс., но многие из них уничтожены балластным карьером, разливами Днепра и т. д. Археологические раскопки этих курганов проводились в основном В. И. Сизовым, который определил их как кладбище языческого Смоленска. Помимо курганов, Сизов упоминает также два имеющих в Гнездове городища. Одно из этих городищ— Центральное—он считает центром будто бы расположенных в районе Гнездова поселений и предполагает, что в Гнездове с древних времен развивалась торгово-промышленная жизнь, а Смоленск в то время был только крепостью, где сидел правитель.

А. А. Спицын, развивая теорию Сизова, категорически утверждал, что Смоленск, основанный на Ольшанском городище, был перенесен Олегом (!) на то место, где теперь Центральное городище, а свое современное место занял лишь при Ярославле.

В основе гипотезы Сизова—Спицына, получившей признание в исторической литературе, лежал неоспоримый факт однотипности и одновременности предметов, находимых как в Центральном гнездовском городище, так и в гнездовских курганах. Если же в самом Гнездове имелось поселение, в котором жили люди во время насыпки гнездовских курганов, то естественно предположить, что эти курганы и являются кладбищем данного поселения. Поскольку же существование в древности рядом двух крупных населенных пунктов мало вероятно, можно было думать, что поселение на Центральном городище и было первоначальным Смоленском.

В 1952 г., когда археологической экспедицией Московского университета на Центральном гнездовском городище был заложен раскоп, выяснилось, что это городище не имеет культурного слоя, а вещи, найденные там, являются вещами из кострищ разрушенных курганов. Таким образом, гипотеза Сизова—Спицына была поставлена под сомнение¹.

Однако при этих раскопках не удалось выяснить ряд существенных вопросов. Прежде всего осталась неисследованной северная часть городища, и о характере наслоений на ней можно было говорить только по анало-

¹ См. Д. А. Авдусин. К вопросу о первоначальном месте Смоленска, «Вестник Московского университета» № 7, 1953.

гии. Оставался невыясненным вопрос о существовании на стрелке городища древнего поселения середины первого тысячелетия нашей эры, будто бы открытого раскопками 1940 г. В 1952 г. не были исследованы вал и ров городища, а поэтому ничего нельзя было сказать ни об их конструкции, ни о времени их сооружения. Не был также выяснен вопрос о селище, якобы примыкающем к Центральному городищу.

Помимо этого оставался неясным вопрос о характере напластований на Ольшанском городище, на котором по предположению Спицына возник Смоленск.

Таким образом, археологическая экспедиция 1953 г., организованная Московским университетом, имела вполне определенные задачи¹. В соответствии с этими задачами на Центральном гнездовском городище было заложено три раскопа. Первый раскоп был разбит на северной части городища; второй раскоп был заложен рядом с раскопом 1940 г. на стрелке городища для выяснения вопроса о древнейшем поселении на Центральном городище; третий раскоп представлял собой траншею шириной 4 м, перерезавшую вал и ров этого городища и переходящую в небольшой раскоп на противоположной стороне рва, т. е. на территории предполагаемого селища, будто бы примыкающего к городищу.

Раскоп на северной стороне городища имел площадь 116 кв. м и вплотную примыкал к северо-восточному участку вала. По всему раскопу верхние пласты представляли собой сильно гумированный слой супеси, в котором встречены поздние черепки и некоторое количество перегнивших костей. В этом слое наблюдался ряд поздних ям, вследствие чего некоторые древние вещи оказались наверху. На глубине 40—60 см в раскопе появляются угольные пятна, которые ниже сливаются и образуют два кострища, содержащих большое количество мелкого угля. Кое-где встречаются крупный уголь и горелые бревна. На глубине 60 см в одном кострище обнаружено скопление пережженных костей. В кострищах найден ряд вещей, среди которых особенно интересны рукоять меча с навершием, наконечник ножен меча, арабские диргеми, железное шило, костяная проколка, несколько железных ножей, пряслиц, стеклянные желтые бусы и др. Интересна также находка рыбьей чешуи.

В профилях этого раскопа прослеживалась типичная для курганных профилей черная угольная полоса, под которой наблюдался белый прозоленный песок—картина, типичная для курганных профилей.

Таким образом, раскоп на северной половине городища дал ту же картину, что и раскоп 1952 г.: под слоем супеси, некогда представлявшей собой курганную насыпь, наблюдалось два почти горизонтальных кострища, на которых встречены угольные линзы с пережженными костями. Оба кострища во многих местах подстилались белым прозоленным песком. Абсолютное большинство вещей было найдено в угольно-зольном слое, вне которого находок почти не было. Состав находок обычен для гнездовских курганов. Совершенно ясно, что в этом раскопе встречены остатки двух разрушенных курганов X века.

Второй раскоп, расположенный на стрелке городища, имел площадь 168 кв. м. Раскоп был разбит на огороде, поэтому его верхний слой представлен перегноем. Площадь раскопа в Великую Отечественную войну была перерезана не менее чем тремя траншеями, следы которых были хоро-

¹ Состав экспедиции: начальник Д. А. Авдусин; заместитель начальника М. Н. Кислов; руководители отдельных участков Н. С. Артишевская, А. П. Кусургаева, Н. И. Сергиевская, В. С. Титов, Э. А. Новгородова, Л. В. Куликова и Г. Ф. Никитина.

шо заметны при раскопках. Преимущественно в этих траншеях обнаружено большое количество костей животных. В траншеях в верхнем почвенном слое встречено много черепков поздней посуды. Под слоем перегноя залегал слой желтой суши, в котором ниже стали появляться темные углистые прослойки. Под этим слоем обнаружены следы сильно потревоженных кострищ того же курганного характера. В ряде мест наблюдались глубокие поздние ямы. Курганный характер кострища подтверждается профилями раскопа, в которых наблюдались те же прослойки угля и прозоленного песка, что и в северном раскопе.

Никаких следов материальной культуры старше IX—X веков не было обнаружено. Состав находок обычен: стеклянные, хрустальные и сердоликовые обычных форм бусы, диргемы, гвозди, поясные бляшки, глиняные и шиферные пряслица, наконечники стрел гнездовских типов, костяные проколки, перекрестие меча и т. д. Много черепков обычной гнездовской керамики.

Таким образом, у нас есть все основания считать предположение о существовании на мысу городища поселения середины первого тысячелетия нашей эры несостоятельным. Видимо, руководивший раскопками 1940 г. Н. П. Милонов за остатки жилища принял обычное курганное кострище. Описание этого мнимого жилища таково: «В этом слое по остаткам обугленного дерева были прослежены очертания жилища. Оно погибло в пожаре, о чем говорит углистая масса, заполняющая всю площадку; по ее краям, в отдельных местах лежат камни, прикрытые обожженной глиной; возможно, что это следы фундамента под стенами сгоревшего строения»¹.

Здесь ничего не говорится ни о положении «остатков обугленного дерева», ни о положении камней, лежащих лишь в «отдельных местах», причем эти камни как-то странно «прикрыты» обожженной глиной. Основываясь на материалах 1953 г., можно утверждать, что «остатки обугленного дерева»—это обугленные поленья костра, что «углистая масса»—кострище, а камни—частые в гнездовских курганах случайные камни, попавшие на кострище во время возведения насыпи. Эта насыпь возводилась над горячим кострищем, а поэтому глина над камнями слегка обожжена.

«Сильное скопление почти посередине жилища золы, угля, обожженного песка, глины и камней», на наш взгляд, не может определять место очага, как это думают руководители раскопок 1940 г. Это то же самое курганное кострище. Вызывают недоумение лишь следы каких-то столбов. Это или какая-то непонятная особенность погребального обряда, или плод фантазии руководителей раскопок.

Хозяйственные ямы, якобы обнаруженные в «жилище»,—вероятно, поздние перекопы. Впрочем, в кострище, как мы видели, иногда попадает рыба чешуя, и эти ямы могут быть подкострищными.

Ни одного черепка керамики позднеякововского типа, о которой написано в сообщении о раскопках 1940 г., не найдено ни в 1952 г., ни в 1953 г. Остается допустить, что руководитель раскопок 1940 г. Н. П. Милонов допустил грубую ошибку в атрибуции гнездовской лепной керамики. Трудно что-либо сказать об остальном инвентаре из раскопок 1940 г.: большинство вещей погибло в Великую Отечественную войну, но ошибки в датах и в определении назначения этих вещей более чем вероятны.

Итак, появление в литературе сведений об остатках на Центральном

¹ Н. В. Андреев и Н. П. Милонов. Раскопки на Гнездовском городище в 1940 г., Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та истории материальной культуры АН СССР, вып. XI, М., 1945, стр. 28.

гнездовском городище древнего поселения—результат недостаточной археологической подготовки руководившего раскопками 1940 г. Н. П. Милонова.

В раскопе 1953 г. встречено много обломков изразцов с зеленой поливой, бытовавших в XVII веке, а также большемерных кирпичей этого же времени. Эти находки подтверждают существование в Гнездове постройки, близкой XVII веку, о следах которой говорят все исследователи Гнездова и которую относят к владениям католического епископа времени польской оккупации Смоленска. Однако лишь Сизов отмечает, что он встретил каменную кладку на городище, которую он и считает остатками этой постройки. Кроме Сизова, никто никаких значительных следов этого здания на Центральном городище не встречал. Впрочем, в 1897 г., при расширении железнодорожного полотна, которое пересекает Центральное гнездовское городище, на этом городище происходили земляные работы, причем, по слухам, была найдена сложенная из камней гробница¹. Возможно, что эта «гробница» и являлась фундаментом здания XVII века.

Третий раскоп 1953 г., который представлял собой траншею, пересекавшую вал и ров городища, был заложен с целью выяснения конструкции и времени сооружения укреплений. Высота вала от подножия рва оказалась равной 876 см, причем высота вала и глубина рва примерно одинаковы.

Верхний слой вала темносерый, рыхлый. Желтый сыпучий песок начинается с глубины 50 см. В верхних пластах вала встречаются черепки керамики гнездовского типа. В песке, из которого насыпан вал, много угольных пятен. В верхней части вала, на глубине 80—120 см от его поверхности, встречена вымостка из булыжников, предохранявшая вал от оползания. Эта вымостка была вскрыта также раскопками С. И. Сергеева². Раскопки 1953 г. подтвердили также наблюдение Сергеева о креплении вала обугленными бревнами. Эти бревна лежали горизонтально друг на друге, параллельно поверхности вала. В насыпи вала найдены вещи курганного типа: хрустальная бусина, подковообразная фибула, арабский дирхем, кресало, ромбовидный наконечник стрелы и др. Под насыпью вала оказалась курганная насыпь, по своему характеру абсолютно тождественная гнездовским курганам. Высота кургана 140 см. Под курганной насыпью вскрыто кострище небольшой (3—7 см) мощности. Оно состояло из золы и слоя жирного мелкого угля. Находок в кострище не было. Оно находилось на подсышке высотой 30 см. Материк обнажился на глубине 476 см. Таким образом, высота вала равна 476 см (раньше она была более 5 м), так как вал значительно ополз.

Раскопки вала показывают, что мыс, ныне занятый городищем, в IX—X вв. был покрыт такими же курганами, как и все курганы в Гнездове. Это легко доказывается тем, что вал сооружен на кургане, что отмечено еще Сизовым и Сергеевым. Насыпь вала возведена из насыпей разрушенных курганов, вещи из которых попали в насыпь вала. Время возведения вала устанавливается по найденной в вале румпе изразца. Таким образом, вал был насыпан в XVII веке. Единичность находки изразца в насыпи легко объяснима. Ведь в то время, когда сооружался вал, строение, стоявшее некогда на городище, или возводилось, или уже было возведено, но еще не было разрушено. Следовательно, в насыпь могли попасть только случайные или испорченные изразцы.

Исследование рва показало отмеченное выше оползание вала.

¹ См. А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева, Известия археологической комиссии, вып. 15, СПб., 1905, стр. 68.

² Там же, стр. 69.

На внешней стороне рва был исследован небольшой участок селища, давший перемещенное кострище и курганные вещи, т. е. остатки разрушенных курганов. Это можно было заключить и умозрительно. В самом деле, если мыс городища был усеян курганами и на небольшом расстоянии от него находится лесная группа курганов, то предполагать разрыв между этими курганными группами нелогично. Вероятнее всего, что этот промежуток также был занят курганами. Это предположение вполне доказано раскопками 1953 г. Теперь нам ясно, что никакого селища, окружавшего Центральное городище, не существует. За разрушенный культурный слой селища были приняты остатки распаханных курганов.

Никаких остатков материальной культуры XV века на Центральном городище не обнаружено. Следовательно, сведения о том, будто бы в литовскую эпоху в Гнездове было выстроено каменное здание, пока не нашли себе археологического подтверждения. Впрочем, ни приводящий эти сведения С. П. Писарев, ни кто-либо другой из исследователей истории Смоленска не дают ссылки по этому поводу на какой-либо источник¹.

Любопытно, что, несмотря на большую площадь всех четырех раскопов на Центральном городище, ни в одном из них не встречено траншей прежних раскопок. Видимо, эти траншейки были очень невелики.

Итак, все неясные вопросы истории Центрального гнездовского городища выяснены раскопками 1953 г. Эта история теперь представляется нам в следующем виде.

В конце IX—начале X века мыс, образованный поймой Днепра и ручьем Свинцом, как и прилегающая к мысу местность, были заняты курганами, составлявшими одно целое с лесной курганной группой.

Возведение курганов, судя по встречающимся в них вещам, прекратилось в самом начале XI в.

Во время польской оккупации Смоленска мыс на ручье Свинце был спланирован, и на нем построено какое-то здание². В этот же период пространство, соединяющее мыс с долиной, было перерыто рвом. Земля из рва, выброшенная на его внутреннюю сторону, образовала вал, который был надстроен также землей из курганов, стоявших на городище.

Так возникло Центральное гнездовское городище. Как видим, оно не имеет никаких прав называться древним Смоленском. Но вопрос о первоначальном месте Смоленска Спицын связывал также с Ольшанским городищем. Рассмотрим теперь результаты раскопок этого городища.

В 1953 г. на Ольшанском городище было заложено также три раскопа: один из них был расположен на мысу городища, другой—у его ворот, третий—посередине городища.

Первый раскоп был размещен на мысу, так как стрелка Днепра и Ольши должна была быть заселена в первую очередь, если только на этом мысу когда-либо было поселение. Предшествующие исследователи отмечали культурный слой главным образом в этом месте.

По словам А. Н. Лявданского, на этом городище гумус незаметно переходит в культурный слой³. Действительно, плотный дерновый слой и ниже лежащие слои по цвету почти не различаются. В этом слое, который имеет мощность 30—40 см, встречены черепки хорошо обожженных, до

¹ См. С. П. Писарев. Княжеская местность и храм князей в Смоленске, Смоленск, 1895, стр. 94.

² См. Д. А. Авдусин. К вопросу о первоначальном месте Смоленска, «Вестник Московского университета» № 7, 1953.

³ См. А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губернии, Труды Смоленских государственных музеев, вып. 1, Смоленск, 1924, стр. 147.

звона, сосудов и сосудов мореных. Черепки же горшков гнездовского типа встречались в виде исключения. Вещей почти нет: найдено 2 ножа, три гвоздя, медное кольцо, медная пряжка, железная заклепка и обломок оселка.

На глубине 40—60 см в раскопе залегал супесчаный слой. Ниже, на глубине 60—80 см, открылся материк—красная комковатая глина. На самом материке встречены мелкие жженные кости. Керамики в предматериковом слое обнаружено было мало.

Второй раскоп был заложен посередине городища, рядом с ямой, оставшейся, видимо, от старых раскопок. В этом раскопе древней керамики также очень мало. Большинство найденных черепков—от хорошо обожженных сосудов. Находки почти отсутствуют. На глубине 60—80 см обнажился материк. В раскопе хорошо заметны следы поздней траншеи, возможно, траншеи старых раскопок.

Третий раскоп, заложенный у ворот городища, дал почти ту же картину. Керамика также поздняя, встречается железный и стеклянный шлак. Материк оказался на глубине 60 см.

Ни в одном из раскопов не было найдено остатков жилищ или каких-либо других сооружений.

Таким образом, в первом раскопе встречены, видимо, остатки разрушенного кургана. Остальные два раскопа не дали культурного слоя IX—X вв. или более древнего. Наличие же единичных черепков гнездовского типа легко объяснимо тем, что эта территория, несомненно, посещалась людьми и в IX—X вв., но только посещалась. Найденные черепки свидетельствуют о том, что городище было заселено в XVI—XVII вв., но очень не на долгое время. Впрочем, постоянное поселение на этом городище вряд ли было возможно потому, что во время весенних разливов, по словам местных жителей, оно полностью скрывается под водой.

Это поселение скорее всего было укрепленным лагерем во время герцошеской обороны Смоленска 1609—1611 гг. Впрочем, это только предположение. Возможно, на этом городище находился лагерь людей, производивших кирпич, место выработки которого находилось по соседству с городищем. Ясно, что поселение было временным, сезонным. Возможны и другие объяснения назначения городища. Определить это назначение точно мы не можем, да в этом и нет большой необходимости. Важно, что Ольшанское городище не было заселено в IX—X вв.

Остается вопрос о селище, якобы окружавшем Ольшанское городище. Этот вопрос давно уже разрешен, хотя никто на это не обращал внимания. Описывая Ольшанскую группу курганов, А. А. Спицын пишет: «Цепь насыпей идет далее, прерываясь тем курганом, который был начат В. И. Сизовым¹, после чего группа умножается в количестве насыпей и заканчивается у вала городища»² Таким образом, еще в 1899 г. курганы подступали к самому городищу. Ныне эти курганы распаханы, и их остатки некоторыми археологами были приняты за остатки культурного слоя селища. Некоторые же единичные курганы были возведены на территории самого городища, о чем нам говорят результаты исследования мыса городища (первый раскоп).

Результаты раскопок Ольшанского городища с очевидностью говорят о том, что древний Смоленск никогда не занимал территории этого городища.

¹ Этот курган раскопан экспедицией 1950 г. В дневниках он описан как Ольшанский № 1.—Д. А.

² А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 42.

В число городищ «гнездовского куста» А. Н. Лявданским механически был включен еще ряд городищ¹. Все эти городища, во-первых, хронологически с гнездовскими курганами почти не связаны; во-вторых, большинство их (кроме раннего городища у деревни Новые Батеки) значительно удалено от гнездовских курганов. Даже А. А. Спицын не связывал вопрос о древнем Смоленске с этими городищами.

Теперь можно сказать, что гипотеза Сизова и Спицына о возникновении древнего Смоленска, просуществовавшая в исторической науке пятьдесят лет, окончательно опровергнута.

Мы вправе предположить, что Смоленск возник там, где он стоит сейчас. Но мы пока не знаем, где именно возник этот город. Мы пока не знаем, почему гнездовские курганы насыпаны в отдалении от Смоленска.

Для решения этих и многих других вопросов истории Смоленска у нас пока нет материалов. Но этот материал мы можем и должны получить, и путь для этого—археологические раскопки в городе Смоленске.

---

¹ См. А. Н. Лявданский. Указ. соч., стр. 127.